

БЕССМЕРТНО ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ

18+

Родовая память

ЭДРИЕН ХОРСЕТ

Эдриен Хорсет

**Родовая память.
Бессмертно только прошлое**

«Издательские решения»

Хорсет Э.

Родовая память. Бессмертно только прошлое / Э. Хорсет —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986254-9

В далёком высокотехнологичном будущем учёный биофизик Алекс Лабар открывает нечто, что способно перевернуть целый мир. Либо вывернуть его наизнанку, как это делает разработанная технология с душами людей, узнающих о её существовании и жаждущих её заполучить. Учёному предстоит ответить для себя на вопрос: а достойно ли человечество завладеть этими знаниями? В своих изысканиях он решается отправиться в далёкое прошлое по следу своей родовой памяти.

ISBN 978-5-44-986254-9

© Хорсет Э.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	11
5	12
6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Родовая память Бессмертно только прошлое Эдриен Хорсет

Дэмиен Хорсет *Редактор*

Павел Филиппов *Дизайнер обложки*

Инь Ян *Дизайнер обложки*

© Эдриен Хорсет, 2021

© Павел Филиппов, дизайн обложки, 2021

© Инь Ян, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4498-6254-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Стоун пребывал в предстрессовом состоянии. С горем пополам отделавшись от рудиментарного страха, он метался от ниши с «неотложкой» к своему незадачливому клиенту и обратно. Силясь облегчить страдания последнего, Стоун ввёл ему поочередно всё, что имелось под рукой. Доктор Лабар (так звали клиента) реагировал на предпринимаемые меры неадекватно – мычал, брыкался в кресле и грозился в объявшей его дрёме задать Стоуну таких чертей, каких свет не видел доселе во всех обитаемых мирах. Поэтому с целью не столько подстраховаться, сколько закрыть рот начавшему надоедать Лабару, Стоун всадил ему повторно снотворное. Только после этого отчаянного шага клиент успокоился, забывшись в непродолжительном сне.

В том, что произошло, не было ни капли вины Стоуна. Напротив, он всячески отговаривал почтенного Лабара от этого, с точки зрения опытного мемориалиста, сомнительного предприятия. Разумное ли это дело – освежить эпизод родовой памяти силой в десять единиц по шкале Пфайфера? Конечно, неразумно, ибо каждый знает, что за показателями такой величины не стоит ничего хорошего. Но доктор Лабар был упрям, как невоспитанный ребёнок. Он же столько лет зондировал свою , что с его стороны просто непростительно не ощутить сильнейших эмоций, пережитых его, бог весть каким, предком. Это ж маразм какой-то! Нет, даже не маразм, а просто выходки ископаемого индивида, возмнившего себя психологическим Геркулесом. И вот теперь этот «Геркулес», отбрыкав и открывав своё, спокойно пускает пузыри. И это, собственно, не помешает ему по пробуждению накатать жалобу, куда следует. Перспектива – не очень. *generic memoria*

Раздумья Стоуна прервал пострадавший. Он немного поёрзал в кресле, открыл глаза и недоумённо уставился на Стоуна. Потом чудаковато хлопнул себя ладонью по лбу и сказал:

– Ах это вы, мистер Стоун.

Стоун, осклабившись, поклонился в ответ. Неужели всё закончится неплохо?

Лабар попытался приподняться в кресле, но обессилено упал обратно, громко стукнув руками по подлокотникам.

– Это было нечто ужасное, – выдавил он с силой. – Вы слышите, мистер Стоун, весьма ужасно.

– Что именно, сэр? – теряя профессиональную тактичность, поинтересовался Стоун. – Конечно в нашей работе ещё имеются недостатки, но уверяю вас, господин Лабар, мы с ними очень серьёзно работаем. Да-да, очень серьёзно.

– Я не об этом, – успокоил его Лабар. – Увиденное мной было настолько непонятно и скверно, что поколебало всё моё мироощущение. Мне даже кажется, что я проснулся другим человеком.

Стоун озадаченно посмотрел на клиента. Лабар перехватил его и рассмеялся:

– Вы ищите трансформацию во мне, дорогой Стоун? Не трудитесь зря. Перед вами как был, так и есть доктор Лабар – лауреат всех научных премий Млечного пути за последние семьдесят лет.

– Ну что вы, сэр! – сконфузился Стоун и, желая поменять тему, вернулся к своему вопросу. – Так что же случилось с вашим далёким предком?

– Кровь, дорогой Стоун, кровь, – задумчиво произнёс Лабар. – Эта вечная, как сам человек, проблема.

Стоун понимающе закивал.

2

Лабару после посещения мемориалиста Стоуна никак не работалось. Мысли его всё время путались, каждый раз возвращаясь к недавно увиденному. Собственно, он сам лично ничего не переживал, лишь только «освежил» один из бесконечных эпизодов своей родовой памяти, начало которых было затуманено миллионами лет. Какая это сильная и страшная вещь – родовая память, рассуждал Лабар. Жил человек себе спокойно, ничего не ведая о похождениях своих предков, занимался наукой, учил этому других, покорял иные миры, и нате – на склоне лет поддался-таки несвойственной этому миру сентиментальности. Будто услышал уходящие в века голоса своих предков, и захотелось ему вдруг ощутить, даже скорее потрогать руками нить, с ними связующую. Ощутить их незримое присутствие в себе. Ощутить их многотысячное «Я» в своём собственном. А в итоге, как и предупреждал Стоун, полное расстройство. А может это наоборот хорошо? Человек в нашем мире перестал быть индивидуальностью. Материальные и моральные каноны сковали его по рукам и ногам, совершенно не допуская даже минимальных отклонений. И нужно отметить, что материальная часть этого гнёта давно уже преуспела над моральной. Как это грустно и несправедливо, что жить на родной планете стало очень нелегко, а для многих – просто невозможно. Лабар и сам начинал свою карьеру ученого совершенно незавидным образом. Вместе с молодой женой Нэд он отправился колонистом на недружелюбные планеты Антареса, обратного пути с которых для вынужденно безденежных молодоженов не существовало. И если бы не его незаурядные способности по части биофизики, судьба его сложилась бы однозначно – либо всю жизнь влачить жалкое существование, вкалывая без просвета на фундаментальные корпорации, либо банально сгинуть на каком-нибудь обветшалом руднике.

Судьба же Лабара сложилась иначе. Будучи в возрасте сорока лет, он, как и водится среди ученых всех времен и миров, совершенно неожиданно для себя, а тем более для окружающих, открыл секрет не чего-нибудь там, а самой жизни. Став во всём Млечном пути человеком номер один на долгие годы, он положил начало настоящей биофизике, изыскания которой, впрочем, так и закончились вместе с его открытием. Нет, у него, как у неоспоримого гения, сразу же появились многочисленные последователи, которые, однако, в новую науку ничего не добавили, а лишь занимались бесконечными классификациями нехитрых параметров жизни, как явления природы. На свет появилась масса всевозможных приборчиков для омолаживания и даже воскрешения. Причем выяснилось, что человека со смертельными ранами оживить куда проще, чем омолодить увядший организм. Выходило, что от старения биологической материи спасения нет, ибо сама жизнь появилась на свет как продукт старения материи. Фундаментальные корпорации, необдуманно посулившие своим бесчисленным клиентам бессмертие в скором будущем, недовольно завывали от этой новости, но в накладе, как обычно, не остались. Со временем трагическую смерть в быту или на производстве стали относить к мифологии, хотя безнадежные случаи имели место быть.

– И бывают до сих пор, – неожиданно сам для себя вслух подытожил Лабар.

Ему вдруг стало жаль себя. Жаль не потому, что его жизненная траектория начала клониться к закату. А нужно ещё многое успеть, а времени, как всегда, не хватает. И не потому, что, находясь на вершине дозволенного, он остался один, как перст, на всех тридцать восемь обитаемых миров. Но потому, что он в одночасье осознал, что всю свою жизнь посвятил другим людям. Отдавал себя без остатка другим, совершенно забыв об одном человеке, о котором любому из людей не позволительно забывать – о себе. И это была не какая-нибудь там тоска законченного эгоиста, это было щемящее ощущение недоделанности, непростительного беспорядка в его делах. Странно, почему эта мысль не посещала его голову раньше? Неужели Стоун своими штучками разбудил дремавшего внутри себялюбца. Возможно. Хотя в настоя-

щее время в слово «эгоист» вкладывают совсем иной смысл, чем тысячу лет назад. Сейчас, если человек не будет думать только о себе – ему конец, если не физический, то моральный точно. Выходило, что человеческий тип Лабара давным-давно вымер, как вымерли в древности по причине своей полной непрактичности настоящие благородные люди. Реликт, да и только.

– А что я могу сделать для себя лично? – спросил сам себя Лабар. – В материальном плане вопросов нет. Жены нет и не будет уже. С детьми тоже не задалось как-то. Остаётся душа. Душа и... огромный камень, который там появился сегодня с помощью Стоуна. Хотя причём тут он? Всё дело лишь во мне и моей родовой памяти. Скорее всего, он был прав, советуя «освежить» что-нибудь там трёх или пятибалльное. Может быть, это была бы чья-то пылкая любовь или интересное приключение. Так нет же – старина Лабар всегда работает по максимуму!

Лабар глубоко вздохнул, вспомнив пережитое его затерянным во времени предком. А что если замахнуться на невозможное? Взять и вмешаться в ход истории, хотя этого ещё никто не делал пока. Пока... Очень интересная задачка получается тогда. И ни одна переменная в этой задачке неизвестна, и от этого она еще вкуснее.

3

Стоун встретил Лабара несколько напряжённо, полагая, что тот пришёл-таки задать ему взбучку за свои чрезмерные ощущения накануне. Однако, глядя на дружелюбно улыбающегося учёного, он понял, что ошибался на этот счёт и сразу принял услужливый вид:

– Вы снова почтили нас своим присутствием, сэр.

– Да, дорогой Стоун, это снова я, – чуть поклонился Лабар. – Знаете, всё никак не могу отделаться от родовых воспоминаний.

– Я искренне сочувствую вам, – только и нашёл, что сказать Стоун. – Всё-таки девять единиц – не шутка.

Видя, что Стоун слегка нервничает, Лабар решительно приступил к делу:

– Оставим это, дружище. Я пришёл вовсе не за тем, чтобы журить вас за безукоризненно выполненную работу. Дело в другом.

– В чём же, сэр? – воспрянул Стоун. – Наша фирма и я лично всегда готовы помочь вам.

– Это, в общем-то, наверное, пустяк, – сказал Лабар, опускаясь в предложенное кресло. – Скажите, Стоун, вы как-нибудь фиксируете то, что «освежаете»?

Глаза Стоуна вдруг заметались, и он застрочил скороговоркой:

– Сэр, у меня же федеральный патент, а там ясно сказано...

– Знаю-знаю, – улыбнулся Лабар. – Я читал ваш рекламный проспект и отлично помню его содержание. И пожалуйста, не подумайте, что я пытаюсь уличить вас в некомпетентности или ещё в чём-то там.

– Сэр! – почти взмолился Стоун.

– Стоун, давайте поговорим как учёные или, в конце концов, как предприниматели, – Лабар подхватил со столика пакет с тоником и сделал смачный глоток. – У любого человека, Стоун, имеются секреты. Человек без секретов – это открытая книга, в которую может наплевать кто угодно так, что чернила потекут. Без секретов человеку живётся не совсем хорошо как морально, так и материально. И если взять фирму, например, такую, как ваша, то без потаённой изюминки в нашем скоротечном мире она закончила бы своё существование через неделю после основания. Вашей же фирме это не грозит, особенно если учесть, что федеральная служба безопасности солидно поддерживает её ежемесячно.

– Откуда вы... – начал было Стоун, но умолк, вспомнив, кто перед ним сидит.

Лабар снова потянул тоник и лукаво посмотрел на Стоуна. Последний выглядел почти что уничтоженным. В голове его какое-то время шла ожесточённая борьба, закончившаяся, естественно, в пользу благоразумия.

– Что я должен сделать, сэр? – вытянулся Стоун.

– Повторяю, Стоун, это сущий пустяк, – Лабар решительно поднялся с кресла. – Мне нужна моя собственная запись.

Через пять минут он вышел из офиса Стоуна, ощущая в кармане приятную упругость маленького шарика на цепочке. Это был новомодный накопитель информации в виде миниатюрной копии Земли. Стоун поклялся своими глазами, что не упомянет о докторе Лабаре в своих отчётах и вообще забудет, что он к нему заходил. Лабар посоветовал ему также стереть память у фэйсконтролёра, зафиксировавшего его визиты. Стоун повиновался. Когда Лабар выходил из офиса, электронный привратник просканировал его внешность и непонимающе заморгал своими лампочками. Лабар, посмотрев на него, на секунду задумался. Улики-то уликами, а главный свидетель никуда не делся, сидит себе напуганный в своём офисе. Лабар махнул рукой привратнику.

– Прежде, чем войти, пожалуйста, зарегистрируйтесь, – пропел тот ему.

– Я не буду входить, – ответил Лабар. – Не мог бы доктор Стоун выйти на минуту?

– Исполнено, – был ему ответ.

Стоун появился секунд через тридцать. Вид его говорил о том, что он давно не занимался бегом. Это, в некоторой степени, Лабару понравилось. Когда их взгляды встретились, Стоун в буквальном смысле остоленел, широко раскрыв глаза. Его лицо постепенно поменяло цвет с красного до белого, а на лбу выступили бисеринки пота. Уголки его рта нервно подёргивались, а все мышцы тела пришли в сильное напряжение. Лабар же, напротив, излучал спокойствие и полную уверенность в себе. Его участие в телепатической дуэли выдавали лишь глаза, поблёскивавшие, как свежий снег в морозный день. Так продолжалось около минуты, пока у Стоуна были силы. Потом он резко расслабился и взялся руками за голову. Его глаза смотрели сквозь Лабара.

– Боже мой, – еле слышно простонал он. – Какие ужасные видения! Придётся отказаться от приёма транстакила, у него слишком много побочных эффектов.

Он опёрся о фэйсконтролёра, постоял так с минуту и, расстегнув верхнюю пуговку на мундире, зашагал неровной походкой восвояси.

Лабар удовлетворённо улыбнулся – есть ещё порох в пороховницах. А может быть, всё получилось, потому что Стоун совсем не ждал нападения? Да вообще-то, какой там у этого Стоуна индекс сопротивления, единиц пятнадцать от силы. А с той силой, которую, как величайший дар Лабару поднесли аборигены с Санзайса-4, и сто единиц не предел. Санзайс-4, Лабар сделал для него больше, чем мог, но аборигены всё равно вымерли все до одного. Может, даже оттого, что они совсем отошли от материальной стороны мира – эволюция порой и такие коленца выкидывает.

Но дело сделано – теперь никто не знает, что Лабар был в заведении Стоуна, который две минуты назад так любезно отдал все свои воспоминания об этом. Именно сам и добровольно, потому что ему было очень больно, правда, недолго. Да и память эта для него ничего ровным счётом не значила. Хотя, как знать.

4

Лабар, сославшись на нерабочее состояние (такое с ним бывало), оставил свои рабочие апартаменты и отправился в своё скромное жилище. Перед ним сейчас стояла весьма трудная задача, мысли о которой совершенно не давали работать на благо Космической Федерации.

«К чёрту Федерацию, – подумал учёный. – Ей нужны только руки и мозги, которые всё время должны работать и работать, создавая материальные блага для кучки ороботевших толстосумов. Они всё чего-то добиваются, всё выискивают, куда бы запустить свои безжалостные холодные щупальца, чтобы загребать ими всё больше и больше. И ни в одном из этих псевдочеловеческих мозгов не возникает мысли о простой человеческой душе, загнанной завравшейся цивилизацией в самый тёмный угол. Сначала тело, и все блага только для него, любой ценой, ну а если вдруг что-то и останется... А ничего не останется! Из вакуума, как не крути, хлеб не испечёшь».

Нет, отвлекаться не нужно. Если цель поставлена, то идти к ней надо, а не рассуждать о дороге. Задача трудная, и может случиться, что и невыполнимая – всё зависит от большого числа обстоятельств. Сделано только одно – обезврежен Стоун. Запись в кармане. По этой записи, используя методику параллельного сканирования, можно весьма точно определить дату известного события, события из своей родовой памяти силой девять единиц по десятибалльной шкале. Трудность в другом – как туда попасть, в эту дату, чтобы всё исправить? Ладно бы ещё попасть, там ведь придётся ещё и действовать. Действовать так, чтобы не оставить ни единого следочка. Напрашивается вопрос, кто может по этим следам пойти? Ответ почти очевиден – какая-нибудь пресловутая служба времени из далёкого будущего. Почему пресловутая, а потому, что о ней все говорят, но никто её в глаза не видел. Но и сомневаться в её существовании не стоит. Наука-то хоть и топчется на месте, а нет-нет да делает шагочок вперёд. Кто знает, может через тысячу-две лет кому-нибудь улыбнётся научное счастье, как однажды улыбнулось самому Лабару. И ухватится этот счастливчик обеими руками за континуум, да так его встряхнёт, что даже Лабару отпрыгнётся. Время ведь вечно как в одну сторону, так и в другую. Хочешь вперёд иди, хочешь назад.

А в чём состоит самая большая трудность? Возможности переместиться в прошлое нет никакой, а желание осуществить задуманное ой как велико. Из любой ситуации существует масса выходов. И эта ситуация не исключение. Во-первых, можно попробовать построить аутохроно самостоятельно. Такое решение принципиально возможно, если, конечно, не учитывать один фактор – время. Во-вторых, выкинуть всю эту дурь из головы и спокойно доживать оставшийся век. Тут проблема заключена в слове «спокойно». Конечно можно обратиться за помощью к психоаналитику и он неотвратимо «поможет», но ведь это будет искусственным погашением вполне естественного желания – увидеть всё своими глазами и, если бог даст, то и вмешаться. Но есть ещё и третий вариант развития событий, который, сам по себе, ещё более дерзкий и безумный, чем второй – побить службу времени её же оружием. Да, об этом точно стоит хорошенько подумать. Эта идея вполне заслуживает внимания, но с тем лишь допущением, что служба времени действительно существует где-то там в будущем.

5

На следующий день всё разумное население Космической Федерации было не на шутку взбудоражено. Простолюдины предавались глупым мечтам, строя далеко идущие планы и заключая пари. Класс собственников настороженно наблюдал за происходящим и воздерживался от официальных комментариев. Не то чтобы собственники испытывали недоверие к ученому галактического класса Лабару, но уж к его словам наверняка. От слов, им произнесённых, пахло вечновременным сатанизмом и научной ересью. Если бы эти слова произнёс кто-то другой, то его тут же поставили бы на место своим гневным окриком власти имущие, но вот с доктором Лабаром приходилось считаться. Не он ли раскрыл для всего мира главный секрет живой материи и, казавшуюся поначалу чудом, возможность воскрешать погибших и безвременно умерших? Не он ли подарил всей Галактике хоть и незначительное, но всё-таки омоложение. К этому, правда, давно все попривыкли, будто оно всегда так и было. Но последнее его заявление явно уходило за грань. Шутка ли дело, заявить триллионам разумных существ: «Друзья, очень скоро я подарю вам бессмертие». Да-да, вот так вот просто – слово «бессмертие» было напечатано строчными буквами.

Да, Лабар сказал именно это, отвечая на вопрос репортёра из «Земных новостей»: «Каковы ваши планы на будущее?» во время брифинга. Вопреки ожиданиям учёного, журналисты отреагировали на новость не очень-то оживлённо. По крайней мере, так ему казалось на первых порах. Журналист, задавший ему судьбоносный вопрос, услышав ответ, растерянно заморгал длинными ресницами, глупо заулыбался и стал пятиться назад. Остальные же, как по команде, начали молча переглядываться. Обещавшая растянуться на час пресс-конференция, через пятнадцать секунд была закончена – репортёры бросились вон из зала, чтобы немедленно связаться с начальством. Некоторое время они переговаривались с боссами, а потом быстренько удалились. Лабар поднялся с кресла, подошёл к дверям и распахнул их, желая удостовериться, что за ними никого нет. Однако это было не так, за дверями он обнаружил плюгавенького человечка, видимо одного из журналистов.

– Сэр, – вытянул тот свою и без того длинную шею. – Можно один вопрос?

– Валяйте, – Лабар широким жестом предложил ему войти.

– Сэр, принимая во внимание определённую сенсационность вашего заявления, спрашивается один единственный вопрос, – репортёр вдруг втянул свою шею обратно. – Как далеко вы продвинулись в своих исследованиях?

– Логично, – резюмировал Лабар. – Странно, что все убежали, не спросив об этом.

– Мои коллеги были вызваны для очных консультаций, а я... – репортёр смущённо улыбнулся. – А я на свой страх и риск решил остаться.

– И правильно сделали, дружище, – Лабар фамильярно обнял репортёра за плечи. – В таком случае вам будет принадлежать исключительное право на информацию, которую я собирался открыть для всех. Пройдёмте-ка сюда.

Они оказались в обширной лаборатории, примыкавшей прямо к кабинету Лабара. Если бы существовала такая наука, как стилистика обстановки научных лабораторий, то она немедленно повесила бы на этом помещении ярлык «Ретро». Лабар немного недолюбливал все новомодные штучки, особенно полевые ловушки. Он предпочитал им древние, как мир, но не менее (если не более) надёжные колбы, пробирки и обычные проволочные клетки для всевозможных подопытных животных. Хотя мухами-дрозофилами и белыми мышами здесь и не пахло (их давно заменили более эффективные инопланетные собраты), сущность опытного дела не изменилась – бедняг по-прежнему держали в неволе и всячески над ними «измывались».

– В этой клетке живут катониксы, – Лабар остановился возле клетки внушительных размеров. – Их метаболизм практически не отличается от земного, хотя эти животные привыкли к меньшей силе тяжести и имеют повышенные, в сравнении с нашими земными тварями и людьми, биоритмы.

Репортёр изумлённо рассматривал то, что было в клетке. А там действительно было, на что посмотреть – катониксы были просто очаровательны. Они любопытно смотрели на людей, предчувствуя лакомое угощение. Их передние пары лапок выказывали явное нетерпение. Лабар нажал кнопку, и из потолка клетки выдвинулось несколько цилиндров пищи. Катониксы при этом чрезвычайно оживились. Они забегали по клетке, ритмично повторяя некоторые движения, как бы танцуя, а потом начали резво прыгать под самый потолок, отрывая на лету кусочки еды. Высоко прыгать им позволяло оригинальное строение задних лапок и мощного хвоста, внешний вид которого подозрительно напоминал волосы, заплетённые в косу. Они поедали пищу с такой скоростью, что изумлённый репортёр совсем не успевал следить за их движениями.

– Они очень умны, – продолжил рассказывать Лабар. – Но не настолько, чтобы признать их разумными. О них можно говорить сколько угодно, так как они сами по себе существа уникальные, но сейчас главное другое. Их сердца бьются со скоростью до тысячи ударов в минуту, и, следовательно, они живут относительно недолго по нашим земным меркам. Самыми древними стариками у катониксов считаются особи, прожившие около девяти суток. Они необычайно живучи и чрезвычайно плодовиты – это и сделало их лабораторными животными. На своей родной планете, Сирене-5, они живут немного меньше. Видимо тамошние условия, в отличие от этой лаборатории, далеки от идеала.

Репортёр понимающе закивал и Лабар продолжил:

– Теперь о главном. Посмотрите на этот таймер. На нём обычно светила точная дата в днях, часах и минутах, когда в эту клетку заселили новый выводок.

– Восемнадцатый солнцегрень прошлого года. Двадцать часов сорок пять минут, – прочитал репортёр.

– Именно так, – Лабар многозначительно поднял указательный палец. – Здесь нет никакой ошибки и нетрудно посчитать, сколько катониксианских жизней прожили эти особи.

Репортёр прищурил правый глаз, прикидывая цифру.

– Восемьдесят семь целых три десятых, – наконец произнёс он, недоверчиво глядя на Лабара.

– Умение хорошо считать в уме – большая редкость в наше время, – констатировал Лабар. – Думаю, что не нужно быть великим учёным, чтобы понять, что означает эта цифра.

– Но ведь это же не люди, – неуверенно возразил репортёр.

– Повторяю, молодой человек, – лицо Лабара стало очень серьёзным. – Метаболизм катониксов практически идентичен нашему. А что до того, что у них восемь ног, так это просто так получилось. Естественно, наш результат было бы неправильно называть бессмертием, так как данным подопытным животным, судя по сканированию, осталось жить немного, но, всё-таки, цифры впечатляют. Если взять среднюю продолжительность жизни людей равную ста сорока восьми годам и помножить на названную вами ранее величину, то выходит совсем недурно – сто тридцать две тысячи восемьсот восемьдесят четыре года. Это ли не бессмертие, спрашиваю я вас?

Репортёр уходил очень довольный. Эксклюзивное интервью с доктором Лабаром, само по себе было почти несбыточной мечтой для любого журналиста, но главное удовольствие его состояло в другом. Провожая репортёра до дверей, Лабар взашей выставил вломившихся было к нему других журналистов, обозвав их при этом маменькиными сынками и слюнтяями.

– Прежде, чем браться за перо, – ревел он. – Поучитесь терпению у мистера... э-э-э, как вас там?

– Соран Крымски, – поклонился репортёр.

– У мистера Крымски, – невозмутимо продолжил Лабар. – Поучитесь у него искусству журналистики.

Чертыхнувшись, он громко хлопнул дверью, и, совершенно спокойно прошёл к столу и уселся в кресло. Помельчал нынче журналист. Не то, что в былые времена – отбою от них не было. А этот, как его, Соран Крымски, вроде ничего, не растерялся. Хотя сам он немного странный, и имя у него странное, раньше никогда такого не слышал. Фамилия похожа на славянскую, хотя где они теперь славяне-романе. Всё давно перемешалось на тысячу кругов. Но это всё мелочи. Неважно, кто первый узнал. Совершенно неинтересно, акции какой информационной компании подпрыгнут сегодня в цене. Этот Крымски явно всё заснял втихую и теперь растрезвонит обо всём на всю галактику. Главное в другом – пока всё идёт по плану.

6

Лабар безвылазно сидел в своей лаборатории. Он отправил в отпуск всех своих помощников и теперь в гордом одиночестве возился со своими катониксами. Не то чтобы это было для него главным занятием в этот момент, просто он любил этих затейливых зверюшек.

Вспоминая экскурсию по лаборатории, организованную для мистера Крымски, Лабар лукаво улыбнулся. Напрашивалась мысль, что учёный просто-напросто провёл доверчивого репортёра, пользуясь своим авторитетом, но это было не так. Лабар если и лгал кому-нибудь когда-нибудь, так исключительно по пустякам. Во всём остальном он был непреклонно правдив. Учёный считал, что лгать, пусть даже по мелочам, вовсе не безобидное занятие. Человек, постоянно лгущий по мелочам, неизменно привыкает к этому занятию и начинает лгать по крупному, сам уже того не ведая. Поэтому, прежде, чем ввести Крымски в заблуждение, он всё взвесил и... солгал. Да, солгал, но как? Прежде, чем впустить в лабораторию прессу, Лабар поменял дату рождения на клетке с катониксами. И настоящая дата была не позднее показанной, а намного более ранней. Катониксы жили в этой клетке уже больше пяти лет, то есть во много-много раз дольше заявленного. Всё это время они благоденствовали и вовсе не собирались умирать. Лабар пустился на этот обман по двум причинам: во-первых, пресса вряд ли поверила бы реальным цифрам; во-вторых, если бы пресса поверила, реальные результаты уникальных исследований быстро стали бы достоянием самой широкой общественности. Федерация в лице толстосумов-спонсоров всего и вся немедленно потребовала бы на-гора новое открытие, чтобы оно служило,

и должно, на благо человечества. А вот на этот счёт у Лабара имелось своё собственное мнение, и оно было несколько иным, чем мнение правящей элиты. И если бы не жгучее желание побывать в прошлом, ученый никогда и ни за что не поведал бы миру о своей находке. Лабар тут придерживался одной затасканной, но не потерявшей смысл истины – человечество в целом никогда не дорастёт до бесконечной жизни каждого индивидуума, ибо этому противится сама природа. Сюда стоило бы добавить, что если оно, человечество, всё-таки когда-то дорастёт, то это будет первым днём конца человеческого рода. Чьи были эти слова – не важно. Главное, что они полностью резонировали с мнением Лабара. Человечество никогда не получит, по крайней мере от Лабара точно, ибо оно, как и всегда было до этого, просто к этому не готово. И не будет готово никогда. В любые времена у любых цивилизаций должны быть и будут неразрешимые противоречия, такие вот как жизнь и смерть. Любое противоречие толкает к развитию. Нет развития – не будет цивилизации, какой бы сильной до этого она не была. А вечная жизнь – это тот фактор, который способен сгладить любые противоречия. Как раз на это и поставил свою карту Лабар. И выигрышем по этой ставке могло стать желанное путешествие в прошлое своей родовой памяти. *vitam aeternam*

Лабар изредка связывался с Крымски, вводя последнего в курс своих якобы хорошо протекающих экспериментов. Этим ученый хотел еще больше подогреть и без того разгоряченные умы общественности. Если служба времени существует, то она обязательно клюнет на наживку, хитро насаженную Лабаром на крючок. Есть только одно серьёзное сомнение, а хватит ли сил справиться с этой организацией? Кто знает, как далеко продвинулось человечество в будущем, и вообще будут ли людьми в понятном смысле слова те, кого он терпеливо ожидает второй месяц. Тех уловок, которые он припас на всякий случай, современному хватило бы с лихвой, одна только валосима туренская чего стоит. А что делать, если перед ним прямо из воздуха вдруг воплотится сверхчеловек, которому наплевать на энергетического вампира, пусть даже инопланетного. Одни вопросы, которые порождают следующие вопросы. А извилины мозга и так уже звенят от натуги. Если повезёт (а Лабару везёт почти всегда), то всё решится само собой, незаметно, словно так и должно было быть. *homo sapiens*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.